

Блуждая по Царскосельским залам или Тридцать кровоточащих ран дисграфии*

Ананьева Елизавета, психолог, работает в коррекционном детском доме г. Санкт-Петербурга, одно из самых любимых и удачных её профессиональных «детищ» — игровая программа профилактики и коррекции дисграфии

* Опубликовано в журнале «На стороне подростка».

Бродя по залам Царскосельского лицея, с удивлением узнаёшь, что А.С. Пушкин вовсе не был блестящим учеником. Он не успевал по математике. Совсем не успевал!.. Но из элитного учебного заведения его почему-то не выгнали. Дали возможность получить прекрасное образование, обрести верных друзей, стать таким, каким он стал: великим поэтом, которым мы восхищаемся и гордимся.

Но это было в девятнадцатом веке.

А что стало бы сейчас с таким «дисгармоничным» ребёнком? Ни в одной гимназии его держать бы не стали. Родители его были людьми занятыми и небогатыми. Времени и денег на поиски частной школы с индивидуальным подходом и хорошим отношением к детям у них могло бы и не найтись. Саша с диагнозом «дискалькулия» (невозможность обучиться счёту) мог оказаться и во вспомогательной школе. Стать впоследствии переплётчиком и переплетать собрания сочинений Гнедича, Рылеева и других своих бывших друзей.

Как-то в солидном журнале проскользнуло маленькое сообщение о том, что один из ведущих архитекторов Франции предпочитает брать на работу в свою фирму бывших дисграфиков (то есть тех, кто был не в состоянии без специальной помощи научиться грамотно писать).

Он убеждён, что такие люди являются генераторами идей и обладают оригинальным видением пространства.

Но это во Франции.

В России такой человек никогда не смог бы стать дипломированным архитектором. И художником тоже. Не сможет он без ошибок написать сочинение.

С дисграфиками у нас вообще забавно получается. Логопеды с ними работают только в начальной школе. И то не со всеми.

А когда наступает пора идти в пятый класс, у части детей катастрофически ухудшается грамотность. Даже у тех, кто особенно за русский язык не тревожился. Учился себе спокойно на твёрдую тройку или даже на слабенькую четвёрку.

А в средней школе, как в чужой стране: учителя все разные, у каждого свой характер и свои требования.

Бежит пятиклассник, как по лабиринту, и нервничает: чем сегодня будет недовольна Мария Ивановна, за что накричит Вероника Петровна и как бы не попасться под горячую руку щедрого до двоек Николая Фомича.

А если наш пятиклассник ребёнок эмоциональный, то начинается у него невроз. А как говорится, где тонко, там и рвётся. А тонко у него, вполне возможно, как раз в грамотном письме.

И тогда классная работа такого ученика после проверки учителем начинает напоминать самые жестокие сцены современных триллеров. Кровавые раны красная ручка учителя оставляет иногда в 30 местах. Страшное зрелище!!!

Однажды методист г. Пушкина порекомендовала учителям не кромсать тело ученической работы красными чернилами, а закрасить ошибку белым «штрихом», не поставив никакой оценки. Пусть посмотрит подрастающий человек на образовавшиеся пробелы и сам

подумает, в учебнике и в словаре пороеется, с родителями посоветуется. А затем сам всё исправит.

Если поленится он так поступить, то можно воспитывать его традиционными методами: двойками, красными пометками, замечаниями. Оказалось, многие ученики красных пометок не дожидались, сами свои ошибки исправляли. И грамотность у них постепенно улучшалась. Правда, учителям дел прибавилось. Ведь одну и ту же работу им пришлось проверять два раза.

А если в тетрадях всё же красным-красно, что же делать? Прежде всего, успокоить ребёнка и снять стресс. Лучше всего с помощью творчества. Ведь дисграфики чаще всего люди творческие.

Зоя Васильевна Матюшина, логопед с тридцатипятилетним стажем, работает с подростками — дисграфиками, обучая их... писать стихи.

Сначала учит их любить поэзию, читая то, что любит сама. Затем — показывает, что гармония стиха складывается из чередования ударных и безударных слогов, которые стоят в строках строго друг за другом, как солдаты на параде. А рифма, словно правофланговый, замыкает каждую строчку-шеренгу.

Перероверяя от стиха к стиху эти нехитрые правила, ребята перестают пропускать гласные, начинают ставить точки в конце предложений, а потом и сами пробуют писать стихи. Получается неплохо.

Рассказы дети тоже пишут замечательные.

Сначала дети рисуют двумя руками одновременно морское дно, или зиму, или лес. Это для улучшения межполушарной координации.

Или рисуют по клеточкам под мою диктовку оленей, человечков, инопланетян. Затем дома пишут рассказ о нарисованном герое. А на самом деле рассказ о себе.

Самые интересные произведения я прошу оформить и храню в своём альбоме. Он становится всё толще и толще. Ведь они такие творческие личности! Такие ранимые и такие талантливые.

Эти дисграфики.

Запись по поводу: Так что же всё-таки делать с дисграфиками добросовестному учителю?

1) Не обращать внимания на их «безграмотность», работать с ребятами только по поводу творчества и содержания? А как тогда быть с контрольными, итоговыми сочинениями, экзаменами и прочими пока ещё обязательными процедурами, за которыми следуют оргвыводы? Плюнуть на них? Но если плюнет на все эти экзамены только учитель, то ребята останутся с двойками и переэкзаменовками по русскому языку, а если плюнут все, то разрушится одно из оснований существующей системы образования — необходимость всех по всем предметам в итоге оценить и зависимость от этих оценок дальнейших жизненных планов ребёнка.

2) Отправить ребёнка к логопеду и рассчитывать, что эти занятия помогут исправить ситуацию и на других уроках? А если логопеда в школе нет, а родители не в состоянии оплачивать дополнительные занятия? Тогда что — стать самому для этого ребёнка «логопедом» и заниматься с ним индивидуально? Когда? После уроков — за какие деньги, да и времени на всех «дисграфиков» не хватит. Во время уроков? Но тогда нужно менять всю организацию урока, поскольку фактически придётся в одном помещении в одно время для ребят реализовывать разные программы обучения.

3) Начать вести уроки «по-Матюшински»? Но для всех ли ребят такой подход полезен? Да и где учителю научиться работать «по-Матюшински»? Многие ли учителя смогут таким образом работать? Ведь предлагаемый подход в некотором смысле разрушает имеющийся опыт учителя, традиционные основания его работы, заложенные много лет назад в вузе, а потом длительной практикой.